

ТЕАТР МАКСИМА ГОРЬКОГО

А. Ефремин

М. Известия. 24/IX 32

В настоящему времени репертуар горьковского театра насчитывает четырнадцать пьес^{*)}. Однако в качестве драматурга Горький проявил себя сравнительно поздно — через десять лет после выступления в печати. А. Вишневский вспоминает, как в 1900 году он предложил Горькому:

— Напишите пьесу для Московского Художественного театра!

Горький ответил:

— Пьес я пока писать не умею. Понимаете, напишу на сцену разного рода людей, а убраться их никак не могу...

Начало 900-х годов ознаменовалось экономической депрессией и резким обострением общей политической конъюнктуры в России. Нарастающий подъем массового революционного движения, выход на историческую авансцену рабочего класса, — все это оказывало влияние на разные стороны жизни, в том числе и на театр. Театру суждено было сказать новое слово устами Горького.

Первые его пьесы — «Мещане» и «На дне» имели небывалый успех. О «Мещанах» Чехов высказался, что «де нового пьесы нет ничего, но она хороша». О пьесе «На дне» он же писал:

*) Даем их перечень: «Мещане» (напечат. в 1902 г.), «На дне» (1903 г.), «Дачники» (1904), «Дети солнца» (1905), «Варвары» (1906), «Враги» (1906), «Последние» (1908), «Чудаки» (1910), «Васса Железнова» (1910), «Фальшивая монета» (1915), «Дети» («Встреча») (1912—1913), «Зыковы» (1915), «Старик» (1913—1927), «Егор Булычев и другие» (1931).

«Эта вещь с недостатками, но в ней новизна несомненна». Чехов был прав. Обе пьесы были хороши и обе были новы. Успех горьковских драм был исключительный. За два года — 1902 и 1903 — «Мещане» были проданы в издательстве «Знание» в количестве 60.000 экземпляров. Книжка «На дне» в том же издательстве в течение одного лишь 1903 года разошлась тиражом в 75.000. Подобные цифры в то время казались невообразимыми.

В театральных постановках успех названных произведений был еще больше. Правительство отнеслось к выходу Горького на сцену со страхом. Царская цензура, пожалуй, никого из драматургов так не опасалась, как Горького. Когда знакомился с мытарствами его пьес, вспоминаются времена Николая I. Горьковское слово на театральной сцене казалось властям чем-то чуть ли не катастрофическим.

И не зря: ищейки имели тонкий профессиональный нюх. Свое дарование, свое призвание художника к тому времени Горький связал с судьбами рабочего класса, с его борьбой, с мировым рабочим движением.

В воспоминаниях П. Лепешинского находим характерный документ от 1902 г. — конспиративное письмо, адресованное в «Искру». Приводим отрывок: «Вероятно, мой Геноссе вам сообщал о моем свидании с Горьким. Мне было крайне отродно слышать, что все его симпатии лишь на нашей стороне. «Се-

вобождение»^{*)} он читал и больше не желает видеть подобную пакость. Эсерам тоже не сочувствует. Единственным органом, заслуживающим уважения, талантливый и интересным находит лишь «Искру», и нашу организацию — самой крепкой и интересной. Так как его сочувствие на нашей стороне, то он и хочет помогать нам, чем может: во-первых, деньгами, а потом предположил даже, не может ли он исполнить какое-нибудь поручение в том городе, куда едет... Что касается денег, то у нас с ним установлен договор на бессрочное время. Он нам будет давать каждый год по 5.000 рублей...»

Приведем две-три выписки из официальных документов, свидетельствующих об отношении царской цензуры к Горькому. Вот несколько строк из доклада цензора о пьесе «ВРАГИ»: «... В этих сценах ярко подчеркивается непримиримая вражда между рабочими и работодателями, при чем первые изображены стойкими борцами, сознательно идущими к намеченной цели — уничтожению капитала, последние же изображены узкими эгоистами... Сцены эти являются сплошной проповедью против имущих классов, вследствие чего не могут быть допущены к представлению...»

О пьесе «ДЕТИ СОЛНЦА» — из доклада записки нач-ку главн. управления по делам печати: «... У меня не возникает ни малейших сомнений в совершенной недопустимости рассматривае-

*) «Освобождение» — нелегальный журнал русского буржуазного либерализма. Издавался в Штутгарте под ред. П. Б. Струве (1902—1905).

мого произведения, в виду его крайней тенденциозности...»

Из отзыва цензора на пьесу «ПОСЛЕДНИЕ»: «Находил бы необходимым рассматриваемую пьесу Горького к представлению запретить...»

Еще более суровыми строгостями сопровождался представления на сцене «МЕЩАН» и особенно «НА ДНЕ». Ничто однако не помогало, и хоть министр внутренних дел Сипягин, вскоре убитый Балмашевым, запретил постановку «Мещан», а хотя терроризованная столичная полиция поставила вместо капельдинеров проверять билеты переодетых гороховых, спектакль был встречен шумным восторгом. Постановка «На дне» тоже была сперва запрещена, затем была разрешена исключительно одному Московскому Художественному театру, да и то только потому, что власти рассчитывали на решительный провал пьесы. Успех «Дна» был однако грандиознейший. А когда труппа поехала на гастроли в Питер, то во время одного из представлений публика реагировала таким движением, что «заставила всегда ровного, сдержанного В. И. Немировича-Данченко быстро пойти за кулисы и крикнуть в одно из отверстий забора: «Играйте легче, легче!» (Из воспоминаний В. Лужского).

В драмах Горького впервые на сцене были поставлены самые живучие проблемы. Впервые на сцене буржуазная мораль, а сама созревавшая активность. Ощущался бунт человеческой воли. Наносились решительные удары действительности в самое ее нутро, наносились удары политическому индифферентизму. Чувлось, что назрело время перехода от политиканства к политике.

В «Мещанах» были выведены представители трех групп: буржуазно-олигархический старик Бессемелов, Петр и

Татьяна — буржуазную интеллигенцию. Им противопоставлен машинист, рабочий Нил, бодро провозгласивший во всеуслышание: «Наша возьмет! И на все средства души моей удовлетворю мое желание вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так и этак!»

После чеховских сумеречных драм массовый театральный зритель откликнулся жадным вниманием к насыщенным общественными фактами новым драмам. Пьесы «Мещане», «На дне», «Дачники», «Дети солнца», «Враги» и пр. волновали массового читателя и зрителя. Пьесы имели огромный резонанс в провинции, в рабочих центрах. Каждое слово, каждая реплика были восторжены на густом социальном протесте. Провинция отнеслась к горьковским драмам с настроением действенного подема. Во время спектаклей в зрительном зале раздавались возгласы революционного характера; тут же в темноте разбрасывались прокламации. Всем губернаторам был разослан секретный циркуляр, чтобы не допускаться анонсы о пьесе «На дне» впредь до выполнения предписанных формальностей. Ростов и Дону ответил на этот запрет весьма своеобразно: в Музее Горького хранится любопытный документ времен первой постановки пьесы в Ростове. Это — анонс-прокламация, выпущенная Донским комитетом РСДРП. Прокламация содержит всего четыре слова: «Да здравствует Максим Горький!»

Горький, вестник надвигающейся бури, стал любимейшим драматургом трудящихся. Горький, певец радостного напряжения мускулов; Горький, отвергший из сонма обновителей жизни буржуазную и ее интеллигенцию; Горький, первый из художников поднявший знамя пролетарского искусства, — такой писатель не мог не стать любимейшим писателем труда-

щихся масс. Массы оценили и его бесстрашную непревзойденную силу, и утвержденные им положительные образы. Самое отсутствие в горьковских драмах традиционной развязки, — особенность, которую пытались охватить приличные догматики, — оставляло зрителю и читателю поле для творческой догадки, рождая в нем протест, потенциальную переходящую в революционную активность. Не должно удивлять то обстоятельство, что горьковские лучшие драмы как будто в самом деле лишены развязки: этот прием социально мотивирован. Писатель по этому поводу резонно заметил, что развязка пьес Горького — в народном восстании. Развязку горьковских пьес у нас разыграла история в 1917 году.

Взаимное отношение между изображенным действием и характером новых драм создавало именно то соответствие действительности, которое Ф. Энгельс в письме к М. Гарсиа назвал реализмом.

«На мой взгляд, — читаем мы в упомянутом письме, — реализм подразумевает, кроме правдивости деталей, верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах».

Типичными обстоятельствами были новые условия общественности. Они полностью отразились в новых пьесах. Все это было ново, свежо, непривычно и столь близко трудящимся.

Горький неоднократно высказывался по вопросам драматургии, сценического овеществления и театроведения. Письма его к театральным деятелям, к актерам, драматургам, наконец последних лет

письма к руководителям театра ЛАНИ, к руководителям Рабочего театра в Ленинграде содержат много ценных мыслей о драме, как поэтическом роде. Все это слетало бы собрать воедино, тщательно отредактировать и издать. На

протяжении трех десятилетий накопился целый комплекс принципов построения драматических произведений. Сказанный материал несомненно во многом поможет изучению театра Горького. Вскрыть подсудные творческие ходы, которыми автор пришел к созданию того или иного действующего лица, — дело сложное. Тем более, что главное в пьесах Горького ясно. В чем была их пленительность? В их мятельной насыщенности. По поводу драмы «На дне» В. Лужский вспоминает: «Помните, кто-то спрашивал А. М. Горького, чего бы ему хотелось достичь, передать, внушить. Он ответил: — Чтобы, понимаете, хоть взбодражить, не так спокойно в кресле бы им сиделось, и то уж ладно!»

Было бы неверным понимать дело так, будто пьесы Горького — публицистические агитки и играли злободневную роль. Пьесы пленяли своей художественной силой. Успех их был велик не только в России. Всюду, где театр показывал Горького, он находил отклик. Лучшие режиссеры Европы ставили горьковские пьесы (Рейнгардт, Пискарев и др.). Дрезден, Берлин, Лейпциг, Прага, Вена, Франкфурт, Дюссельдорф, Гамбург и мн. др. городов составляют птичник горьковского театра.

Горький — певец и вдохновитель обновленной жизни. Как истый материалист, он исходит из реальных отношений, из человека. Он понимает, что нельзя исходить из человека вообще. Горький чужд отвлеченных умозрений. И вот он стал искать в различных слоях классов человека — человека с большой буквы. Он нашел его; и тогда, путем постепенного исключения, показал читателю и зрителю, что Человек-Борец — это не буржуа («Васса Железнова», «Враги», сюда же относится и новая пьеса «Егор Булычев»), не мещанин («Мещане»), не люмпен-пролетарий («На дне»). Покуда дело касалось указанных социальных групп, интеллигенция принимала Горького восторженно. Но вот настал черед, и Горький разоблачил интеллигенцию. Тогда раздался вой. Премьеры пьесы «Дачники» в театре Комиссаржевской интеллигенция встретила свистом и шиканьем. А между тем Горький все ближе становился к Ленину и его партии. По поводу пьесы «Враги» Плеханов писал, что де Горький оказался в плену у большевиков: «Тактика большевиков кажется ему (Горькому) наиболее страстной и героичной. Будем надеяться, — льстят себе Плеханов, — что его (Горького) пролетарский инстинкт рано или поздно обнаружит перед ним несостоятельность (большевистских) тактических приемов...» Плеханов зря надеялся. Художественный дар Горького привлекал к себе все больше интересы пролетариата. Ленин неоднократно высказывался по этому поводу. «Горький, — пишет Владимир Ильич, — безусловно крупнейший представитель ПРОЛЕТАРСКОГО искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать... Горький — авторитет в деле пролетарского искусства, это бесспорно... В деле пролетарского искусства Горький есть громадный плюс», в т. д. («Заметки публициста», Соб. соч., т. 11, ч. 2, изд. 1). В другом месте Ленин писал: «Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира...» (Ленин, собр. соч., т. 3, 1925, стр. 114).

Полтора десятка драматических произведений Горького составляют существенную величину в том комплексе, который Лениным был назван «великими художественными произведениями».